

© С.В. Супрун^{1,2}, М.В. Осипова³, А.А. Абраева²

¹Хабаровский филиал ФГБНУ «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания» – НИИ охраны материнства и детства;

²ГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный медицинский университет»,

³КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова»

г. Хабаровск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВСКАРМЛИВАНИЯ И УХОДА ЗА ДЕТЬМИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Аннотация (Резюме). Особый этнографический ареал в многонациональном Российском государстве представлен коренными малочисленными народами Приамурья (нани). Образ жизни населения определился географической средой обитания и климатическими условиями. Традиционными занятиями коренных малочисленных народов Приамурья были и до сих пор преимущественно остаются: рыболовство, таежная и морская охота, собирательство. Разные типы хозяйственности определяли и различные обряды жизненного цикла. Одним из самых удивительных достижений практического медицинского опыта аборигенов являлись народное акушерство и педиатрия. Изучение и обработка данных литературных источников позволили выявить особенности традиционных способов вскармливания, ухода за детьми, акушерских практик и иных культурных элементов, обеспечивающих институты материнства и детства для 8 основных этносов. Полученные сведения необходимо учитывать в современной повседневной медицинской практике.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Приамурский регион, вскармливание, уход.

© S.V. Suprun^{1,2}, M.V. Osipova³, A.A. Abraeva²

¹ Far-East Scientific Center of Physiology and Pathology of Breath (Khabarovsk Branch) –

Research Institute of Maternity and Childhood Protection

² Far-Eastern State Medical University

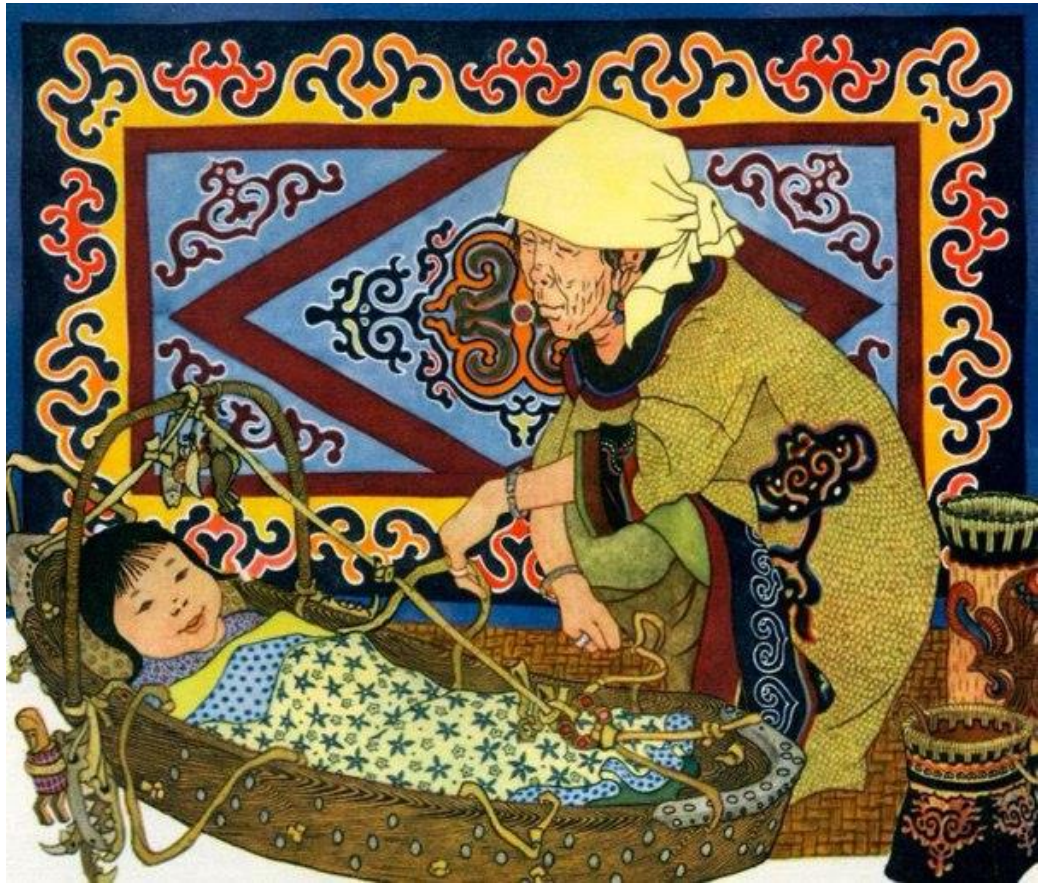
³Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Gradekov

Khabarovsk, Russia

PECULIARITIES OF CHILD FEEDING AND CARE IN INDIGENOUS PEOPLE OF PRIAMURYE

Abstract. A special ethnographic area in the multinational Russian State is represented by indigenous people of Priamurye. The lifestyle of local population depends on the geographical position of the region and its climatic conditions. Fishing, hunting and gathering were in the past and are at present the main traditional occupations of indigenous people of the Amur River. Different types of economical activity determined different rituals. One of the most remarkable achievements of practical medicine of the aborigines is folk obstetrics and pediatrics. The study of scientific sources revealed the features of traditional ways of feeding, child care, obstetrics practices, and other elements of culture, providing the practice of motherhood and childhood of eight major ethnic groups of Priamurye. These data should be considered in modern everyday medical practice.

Keywords: indigenous peoples of the North, Priamurye, feeding, child care.

Ороки. Молодая мать. Южный Сахалин. 1930-1940-х гг.

Введение

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства.

Среди народов Российской Федерации особое место занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Население, проживающее на этих территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющее традиционный образ жизни, хозяйство, промыслы, и осознающее себя самостоятельными этническими общностями, насчитывает до 40 коренных малочисленных народов общей численностью около 244 тыс. человек.

Особый этнографический ареал образуют коренные народы Приамурья, живущие преимущественно в Хабаровском (рис.1) и Приморском краях, на побережье Татарского пролива, в Амурской области.

Всего на территории Хабаровского края проживает 24 тысячи представителей коренных малочисленных народов Севера, которые представляют 30 национальностей. Для 8 коренных этносов край является исторической родиной. Это нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, нивхи, эвенки и эвены [19]. По лингвистическому признаку семь из них относят к тунгусо-маньчжурам, кроме нивхов – палеоазиатов. Это связано с тем, что нивхский язык принадлежит к группе изолированных языков, названных отечественным этнографом Л.И. Шренком, палеоазиатскими [13].

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

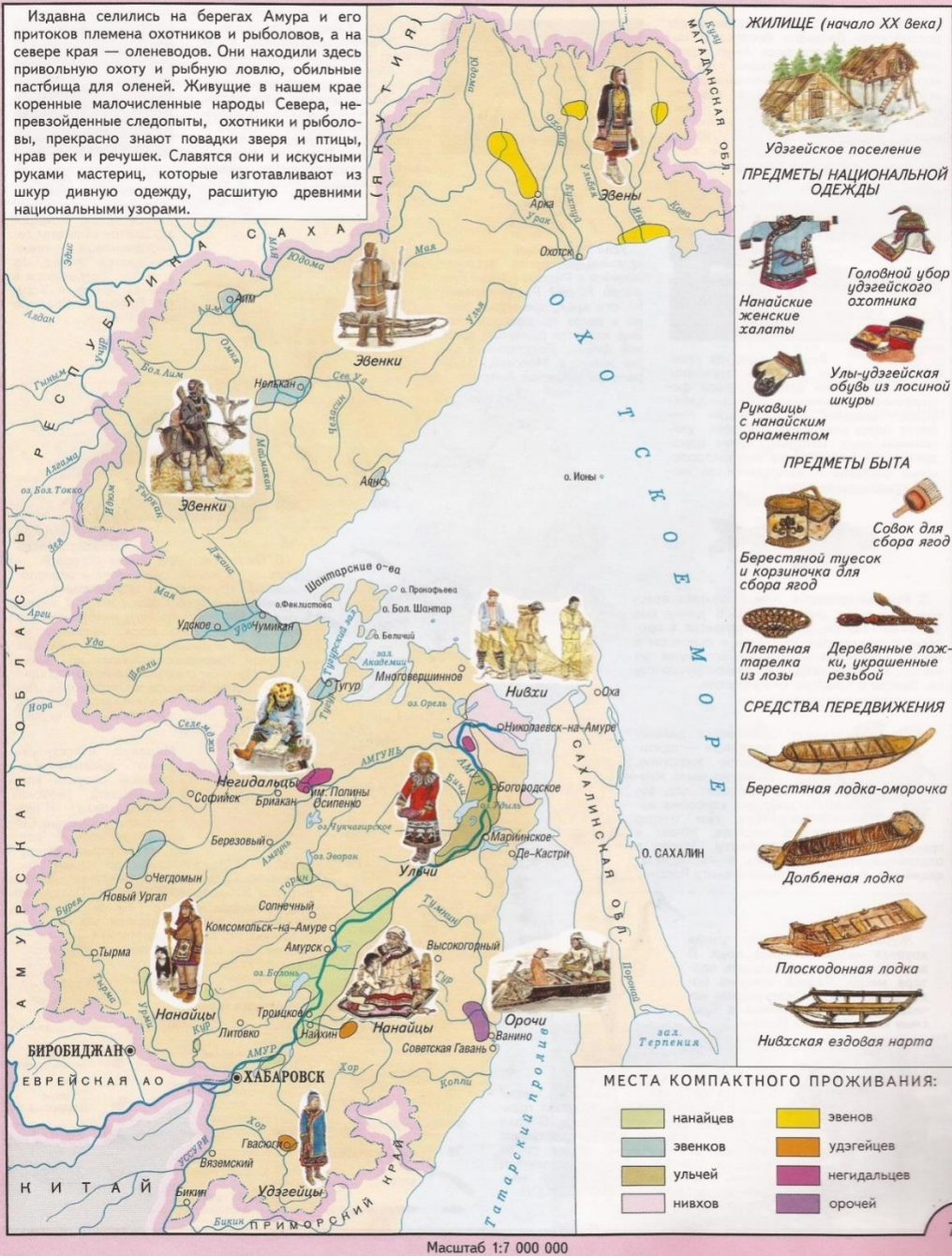

Рис. 1. Районы проживания коренных малочисленных народов Приамурья.

Образ жизни населения определяется географической средой и климатическими условиями [11, 14]. Традиционные занятия коренных малочисленных народов Приамурья: рыболовство, таежная и морская охота, собирательство.

Разные типы хозяйственности определяли и различные обряды жизненного цикла. Коренные малочисленные народы Хабаровского края

вели оседлый (нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, нивхи) и кочевой (эвенки и эвены) образы жизни. Природа была неотделима от жизни этих народов. Река и тайга не только давали им пищу, но и одежду, предметы быта. Большую роль в жизни населения играла обработка природных материалов как растительного, так и животного происхождения. Ежегодно в определенные сроки производилась их заготовка, необходимых в хозяйстве: коры деревьев, которая шла на покрытие летних жилищ, шкур, кож, меха для шитья одежды, обуви, головных уборов.

Народы Приамурья жили в основном оседло, но в их расселении не было резких границ. Много нанайских, ульчских, негидальских, эвенкийских семей жило на Амуре в нивхских селениях, нивхи в ульчских и так далее. Заключалось много смешанных в этническом отношении браков.

Первая информация о расселении коренных народов бассейна Амура появилась в России в середине XVII в. во времена походов Е.П. Хабарова и В.Д. Пояркова [13].

Этнические особенности жизни коренных малочисленных народов Приамурья

Нанайцы (*гольды, нанай, нани*)

Одной из наиболее крупных этнических групп коренных малочисленных народов Приамурья являлась и остается общность нанайцев. Раньше их еще называли гольдами, а вообще имя этого народа образовано от самоназвания – «нани», что означает «местный» или «здешний человек». В литературе на русском и других европейских языках нанайцы были известны как гольды, в Китае – как хэчжэ [4]. В этногенезе нанайцев участвовали потомки древнего амурского населения и различные тунгусо-язычные народы.

Ряд исследователей считают, что их родина находилась в Маньчжурии, откуда они спустились в долину Уссури и достигли Нижнего Амура.

Согласно другой точке зрения, нанайцы – конгломерат родов самого различного происхождения.

Рис. 2 Нанайская семья. Фото 1920-1940 гг.

К началу 20 века нанайцы являлись крупнейшим народом тунгусо-манчжурской группы (рис. 2). Их численность в 1926 г. составляла 5757 человек и продолжала увеличиваться в советский период. По данным Всероссийской переписи 2010 года общая численность нанайцев в РФ - 12003 человек, из которых 11009 человек (91,7%) проживают в Хабаровском крае, 383 человек (3,2%) – в Приморском крае. Нанайские деревни расположены по обоим берегам среднего Амура (Нанайский, Комсомольский, Амурский районы края) и на его притоках, а также на российском (восточном) берегу Усури (Пожарский район Приморского края). Нанайцы проживают и в Китае на правом берегу Амура между устьями Сунгари и Усури и на левом берегу Усури.

Традиционно они продолжают заниматься рыбной ловлей, охотой, собирательством. Первостепенное значение в жизни нанайцев имело

рыболовство. До прихода русских нанайцы даже одежду и обувь изготавливали из рыбьей кожи. Реки, в первую очередь Амур, и окружающая тайга кормили и одевали нанайцев, обеспечивали семьи всем необходимым. Орудиями охоты были лук со стрелами, копье, различные самострелы, петли, сетки на мелких пушных зверей. Ружья на охоте стали использоваться только в начале XX века.

Врачеванием занимались шаманы, которые разделялись на три категории: сиуринку саман – шаманы-врачеватели, нигмантэй саман - шаман, совершающий помимо лечения больных обряды при поминках, каса саман - шаман, доставлявший души умерших в загробный мир.

Ульчи (мангуны, ольча)

Ульчи (самоназвание: «нани» – местные люди, «люди земли») жили по соседству с нанайцами в нижнем течении Амура. По данным последней Всероссийской переписи населения (2010 г.) общая численность ульчей в России составляет всего 2765, в Хабаровском крае проживают – 2621 человек (94,8%) [15]. Большинство из них обосновались в 9 поселках на территории Ульчского района, владения которого простираются на 40 тысяч квадратных километров. Основную их часть занимает тайга, где причудливо сочетаются все представители амуро-уссурийской флоры и фауны.

Ульчи вели оседлый образ жизни. Традиционное занятие – рыболовство и охота. За каждым родом был закреплен конкретный участок водоема, на котором только представители этого рода могли добывать рыбу. Иногда сородичи менялись местами лова: сидевший сегодня на плохом месте, переходил завтра на хорошее и наоборот. Каждая семья ловила столько рыбы, сколько требовалось для пропитания. Законы лова строго соблюдались, а особенно был недопустим вылов рыбы в нерестовых речках. По древнему обычаю мясо добытых диких животных делили между всеми односельчанами. С давних времен ульчи также занимались собаководством.

Женщины кроме домашних дел выделяли кожу рыб, шкуры оленей, лосей и нерп для пошива обуви, одежды, а также плели циновки, корзины из корней и прутьев тальника, обрабатывали бересту для изготовления домашней утвари. На многих ульчских халатах встречались изображение древа жизни. Мужчины, кроме охоты и рыбной ловли, занимались резьбой по дереву и кости.

В прежние времена органом местного самоуправления была сельская община, состоящая из нескольких родов. Община регулировала хозяйственные и спорные вопросы внутри селения, а род контролировал брачные союзы, не допуская объединения пар из одного рода (профилактика кровных браков).

Одним из древнейших родильных обрядов, был культ близнецов, рождение которых считалось большим событием. Близнецы по их представлениям были священными людьми: один таежный, другой водяной.

Шаманы (рис. 3) делились на две категории: "врачеватели" и касата-шаман (большой шаман, который кроме "лечения" больных, "переправлял" души умерших в загробный мир, хранил и оберегал от болезней душу ребенка) [10].

Рис. 3 Местный шаман. Фото 1930-1940 гг.

Испокон веку основным продуктом питания ульчей считалась рыба и мясо диких копытных животных. В национальной кухне больше преобладала вареная, вяленая, жареная, печеная, сушеная рыба. Основные запасы юколы делали из лосося. Некоторые породы рыб ели и в сыром виде (тала), готовили салаты из трав, рыбные пельмени, морсы из брусники и других таежных ягод.

Удэгейцы (удэгейцы)

Это общность коренного населения Приамурья, которая относится к тунгусо-маньчжурской группе. Общая численность удэгейцев в России по данным последней Всероссийской переписи населения (2010г.) всего 1496 человек, более половины из которых (793 - 53%) проживают в Приморском

крае [15]. На территории Хабаровского края расселено 620 человек (41,4%). Удэгейцы живут по склонам Сихотэ-Алиньского хребта. В.К. Арсеньев - знаменитый путешественник и исследователь Дальнего Востока - называл удэгейцев «лесными людьми». Однако на данный момент большинство населения живут в городах и поселках городского типа, ассимилировались с русскими и почти забыли родной язык, который не имел письменности. Наиболее значительные поселения удэгейцев в Хабаровском крае - село Гвасюги, в Приморском крае – села Агзу, Красный Яр и Олон.

Исконными видами деятельности удэгейцев являлись охота, рыбная ловля, сбор дикоросов (женьшеня). Рыба и мясо - основные продукты питания. В результате контактов с русскими и китайцами удэгейцы стали активно осваивать новые земли, и пища стала более разнообразной, но до сих пор не исключаются из рациона рыба и мясо в сыром виде. Удэгейцы, проживающие в Приморском крае, занимались не только промыслом женьшеня и пантов (в последнее время добыча пантов временно запрещена), но и употребляли их с лечебной целью (рис. 4).

Уменьшается численность этнической группы из-за снижения рождаемости и увеличения смертности, распространения заболеваемости туберкулезом, ассимиляции (преобладание смешанных браков).

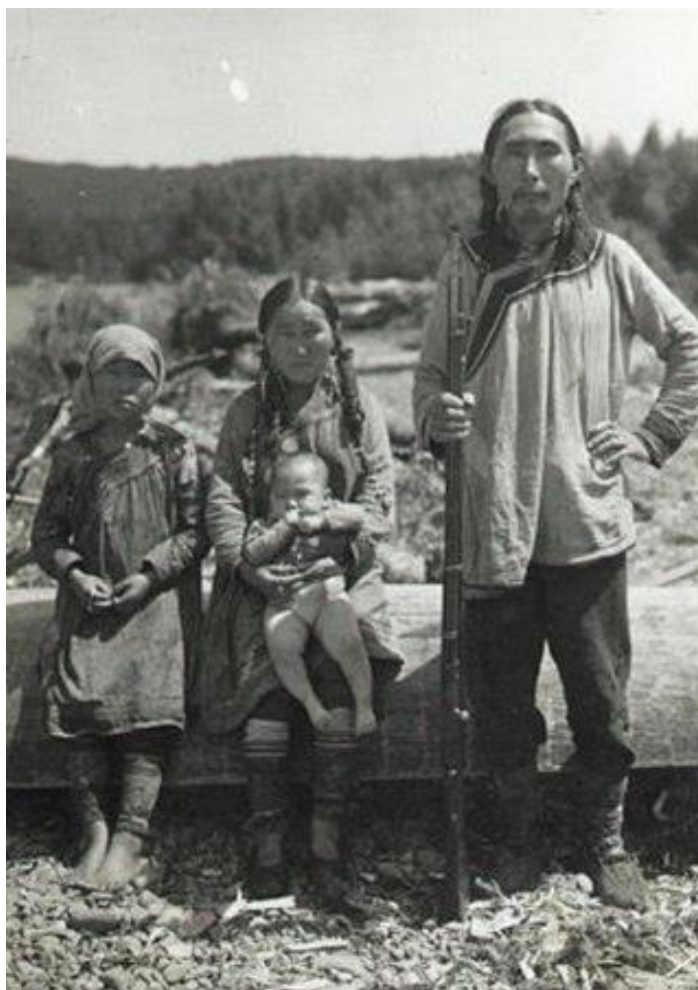

Рис. 4. Удэгейская семья. Фото 1930-1940 гг.

Негидальцы (*элькандэйнин*)

Негидальцы относятся к тунгусо-маньчжурской группе. Их численность в Российской Федерации, по данным последней переписи (2010 г.) 513 человека, в Хабаровском крае насчитывается 480 человека (93,6%) [15]. Проживают в низовьях рек Амгуни и Амура на территории районов имени Полины Осипенко и Ульчского.

Условно негидальцы делились на «низовских» и «верховских». Первые жили оседло в бревенчатых домах. Основное их занятие было рыболовство. А «верховские» негидальцы охотились, поэтому жили в переносных конических чумах (рис. 5).

Рис. 5. Негидальское поселение. Фото 1920-1930 гг.

Население данного этноса говорило на негидальском языке, имеющем 2 диалекта. Этническая основа и исторические пути негидальцев тесно переплетались с историей живших по соседству нивхов, ульчей, нанайцев, эвенков. Негидальцы были исконными рыбаками и охотниками. У «верховских» негидальцев рыболовство и охота дополнялись оленеводством (основное отличие от «низовских»). Однако их нельзя приравнять к кочевникам оленеводам (эвенкам), так как они пользовались оленями только в транспортных целях и вели оседлый образ жизни [1]. Для рыболовства применяли заездки, небольшие неводы, сети, крючки, удочки, остроги. Каждая семья делала для себя большие запасы сушеного лосося юколы. Использовали и кожу рыб разных пород для изготовления одежды, обуви, бытовых поделок. Женщины умели выделывать шкуры и кожи, шить из них одежду и обувь, украшать их затейливым тонким орнаментом, изготавливать утварь из бересты. В конце XIX века в рацион негидальцев вошел картофель, который они выменивали на рыбу у живших по соседству русских. Постепенно некоторые «низовские» негидальцы сами начали сажать эту культуру.

Орочи (ороч, орочён с языком ороцким)

Орочи (самоназвание орочисэл, ороч, а также нани). Их численность в РФ 596 человек (данные 2010 г.), из которых 74% (441 человек) проживает в Хабаровском крае преимущественно в низовьях реки Тумнин с её притоками и по реке Хунгари, притоку Амура, а также у озера Кизи (в селах Новое Омми, Гурское Комсомольского района), на побережье Татарского пролива в районе города Советская Гавань [15].

Население использовало ороцкий язык, с выделением 3-х диалектов: тумнинского, хадинского и хунгарийского. В вопросе о самоназвании нет определённости. Ульчи и нанайцы издавна (а с XIX века и русские) именовали коренное население Амура орочами. Этот этноним был внесён в 1930-е годы в официальные паспорта.

Позднее было выявлено бытовавшее у них самоназвание нани, «здешние жители», как у нанайцев и ульчей. Орочи имеют смешанное происхождение: в их состав вошли местные и пришлые (главным образом, тунгусские) этнические элементы [2].

Рис. 6. Поселение орочей. Фото 1920-1930 гг.

Почти все орочи жили оседло (рис.6). Формирование орочей происходило на склонах Сихотэ-Алиня, на территории от залива Де-Кастри

на севере до реки Ботчи на юге. В этом длительном процессе принимали участие элементы различного этнического происхождения, как местного (нивхские, айнские и другие), так и эвенкийского [3,5,9]. В результате сложились 5 территориальных групп: амурская, хунгарийская, тумнинская, приморская и коппинская.

Основные традиционные занятия охота (в том числе морская), а также рыболовство. В качестве объектов охоты были кабарга, лось, медведь, пушной зверь. Оружием служили лук со стрелами, копьё. Использовались ловушки, петли, самострелы. Огнестрельное оружие, капканы появились в XIX веке. Рыбачили круглый год: летом в маленьких долблёнках и больших дощатых лодках по рекам, а для добычи нерпы и сивуча выходили в Татарский пролив и его бухты. Морского зверя били гарпунами, из ружья, на льдинах и берегу колотушками. Рыбу (кету, горбушу, таймень) ловили сетями, неводом, устраивали ловушки, били острогой. Традиционные ремёсла кузнечное, обработка дерева, бересты, изготовление нарт, лодок, лыж, подклеенных мехом. Женщины обрабатывали шкуры животных, шили одежду и обувь, вышивали. У орочей было развито ездовое собаководство.

Нивхи (гиляки, нивах)

Нивхи – небольшой народ, общей численностью в России 4652 человек (перепись 2010 г.), населяющий районы Дальнего Востока: остров Сахалин – 2290 человека (49,2%) и бассейн Нижнего Амура, Хабаровский край – 2149 человека (46,2%). Вплоть до 30-х годов в литературе нивхов называли гиляками. Под этим именем они были известны и соседним народам. Слово «гиляки» на тунгусо-маньчжурских языках означает «люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках». Сами себя они называли нивхами, что означает «человек» [9, 12]. По территориальному признаку нивхи делились на две группы островную (сахалинскую) и материковую. На Сахалине нивхи жили на всей территории острова (рис. 7), теперь, главным образом, занимают северную его часть. Материковые нивхи

населяли нижнее течение Амура, побережье Амурского лимана, Татарского пролива.

Рис. 7. Нивхи Сахалина. Фото 1920-1930 гг.

Жили нивхи родами. Род являлся основной самоуправляющейся ячейкой. Высшим органом управления нивхов являлся Совет старейшин. До середины XIX века нивхи оставались вне влияния какой-либо государственной власти.

Хозяйство нивхов было комплексным и носило в основном промысловый характер. Видами промысла, которые определяла окружающая среда, были рыболовство, морской зверобойный промысел и охота. Наряду с этим нивхи также занимались собирательством и животноводством. Эти занятия и составляли материальную основу их жизни [9].

В комплексном занятии нивхов особое место принадлежало промыслу рыбы; первостепенное хозяйственное значение имели лососевые породы. Нивхские рыбаки в результате многовековой практики изучили водоемы своих районов и рыбные ресурсы этих вод, а также особенности миграции лососевых рыб. Как исконные рыболовы они достигли в этом известной степени совершенства. По течению рек, по метеорологическим условиям нивхи определяли, вдоль какого берега пойдет больше рыбы. И на основе

своих предположений они строили в этих местах заездки и располагали рыболовецкие станы. Сырая и вяленая рыба составляла основу традиционной кухни. Важное место в хозяйстве нивхов занимал зверобойный промысел. Практически эта отрасль имела для нивхов такое же значение, как и рыболовство. Она давала жир и мясо, корм собакам, шкуру для одежды и обуви, кожу и так далее. Продукты охотничьего, морского зверобойного промысла были существенным подспорьем в хозяйстве. Нивхи широко пользовались дарами природы леса и моря. Растительные продукты: ягоды, орехи, травы, водоросли и моллюски, вносили существенное разнообразие в рацион питания. Собаководство было древней отраслью нивхов. Собак использовали как транспорт на охоте, приносили в жертву. В результате многовековой практики нивхи выработали систему биологического отбора лучшей породы, систему дрессировки и свой типупряжки.

Эвенки (мурчен, орочён с языком эвенкийским, тангус, тунгусы)

Эвенки амурские (самоназвания – «орочон», устаревшее название «тунгусы» – «оленьи люди») – часть эвенкийского этноса, обитающего в пределах огромных пространств Восточной Сибири, между Енисеем и Охотским морем с запада на восток и прибрежной зоной Северного Ледовитого океана и границами Китая с севера на юг. Общая численность эвенков в России – 37843 человека (перепись 2010 г.) [15]. Проживают в основном в Якутии, Бурятии, Забайкалье. В Хабаровском крае зарегистрировано 4101 человек (10,8%), в Амурской области – 1481 человек (3,9%). Эвенки населяют верховья реки Амгунь, правого притока Амура, реки Буреи, а также долины рек, впадающих в Охотское море к северу от устья Амура.

Население этноса говорило на эвенкийском языке тунгусо-маньчжурской группы и имели письменность на основе русского алфавита. Происхождение эвенков амурских связано с районами Прибайкалья и Забайкалья, откуда они, вероятно, вначале 2-го тысячелетия до н.э.

расселились в Приамурье [3]. Русские впервые встретились с ними в начале XVIII в. Уже тогда эвенки подразделялись на оседлых скотоводческих и на бродячих (в свою очередь подразделявшихся на «оленьих», «собачьих» и «лесных»).

Отцовский род включал большие патриархальные и малые семьи. Кочевую группу обычно составляли 2-3 семьи, принадлежащие к одному или двум взаимобрачавшимся родам (система родства – ирокезского типа) [3].

Главные черты характера эвенков амурских – крайняя подвижность, беззаботность, веселость, остроумие, сострадательность, мягкосердечие, гостеприимство без расчета и замечательная природная честность, изумлявшая всех исследователей [15].

Основными промысловыми ресурсами эвенков амурских были олень и береза. От оленя они получали мясо, шкуры для одежды, кости для вырезывания орудий охоты, сухожилия, служившие нитками. От березы – бересту и кору для изготовления детских колыбелей, коробок, корзин, для обшивки урасов или юрт. Основным занятием эвенков Амура была охота на лося, кабаргу, изюбра, медведя, пушного зверя с помощью оленя-манщика, гона с собакой. Орудиями охоты служили лук и стрелы, с приходом русских – ружье, использовали также петли, самострелы, капканы. Оленеводство имело транспортное направление: различались эвенкийский тип с использованием вьючных оленей и ороchonский тип с использованием верховых оленей. В стойбищах по берегам рек занимались рыболовством, в степных местностях Приамурья разводили лошадей, верблюдов, овец, а в местах контактов с русскими занимались земледелием. Жили обычно в шестовых чумах, летом крытых берестой, а зимой – оленьими шкурами. Чум ("ураса") состоял из двух десятков тонких жердей и нескольких десятков оленьих ровдужных шкур с прибавлением кусков березовой коры. Земляной пол устилался невыделанными оленьими шкурами или хвойными ветками.

Иногда строили "балаги" – обширные помещения на 20-30 человек, из стволов деревьев, которые забрасывали снаружи землей, мхом, снегом.

Любимая пища эвенков – непереваренное содержимое желудка оленя в замороженном или засушенном виде с прибавлением ягод для придания ему кислоты, а также сушеное мясо оленя, оленьё сало и мозг. Главную пищу эвенков, живущих вблизи Охотского моря, составляла рыба с примесью жира морского зверя.

При небольшом разнообразии еды, которую можно добыть в тайге, традиционная эвенкийская кухня представлялась большим количеством блюд, в том числе деликатесами. Основной составляющей традиционной кухни амурских эвенков были блюда из мяса. Причём мясу домашнего оленя эвенки всегда предпочитали мясо диких копытных животных - дикого оленя, лося, кабарги, косули, каменного барана, кабана. Обычно мясо употреблялось в вареном виде большими кусками, добавляя только соль. Мясо копытных варили недолго - наиболее вкусным считалось слегка недоваренное, розоватое внутри. Бульон подавался отдельно. В зависимости от сезона мясная пища у амурских эвенков могла частично замещаться рыбной. Рыбу варили, жарили на рожнах и углях, сушили, коптили, морозили. Отварную рыбу также подавали отдельно от бульона.

Пища растительного происхождения в рационе амурских эвенков в основном представлена ягодами, растущими в северных районах Приамурья - брусникой, голубицей, морошкой, жимолостью, дикой малиной, смородиной, шиповником, ежевикой, черёмухой и т. д. Перетёртую ягоду добавляли в бульоны, смешивали с мясом, рыбой, добавляли в муку, делали морсы. На зиму заготавливали в основном бруснику и голубицу.

В качестве основных напитков у эвенков выступали ягодные морсы, бульоны, молоко, травяной чай, листья брусники, шиповника, дикой малины, иван-чая. Своеобразным аналогом кофе была жжёная мука, которую засыпали кипятком и разводили молоком.

В настоящее время в ряде мест расселения эвенков Приамурья сохраняются семейные обряды и обычаи. Многие кочевые прежде группы перешли к оседлости, объединились в государственные и кооперативные промысловые хозяйства, в оленеводческие бригады.

Эвены (ламут, ороч с языком эвенским, орочьель, орочьёл, орочьён с языком эвенским, тунгусы с языком эвенским, ывын, эбэн, эвен, эвон, эвын, эвэн)

Общая численность эвенов в России – 22383 человека. На Крайнем Севере Хабаровского края, в Охотском районе проживает всего 1128 человек, что составляет 5% [15]. Издревле занимаются мелкотабунным пастушеским оленеводством, охотой и рыболовством. В настоящее время $\frac{1}{4}$ часть ведет кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством на базах Усчан и Наманкур, где сохраняются традиционные способы хозяйства и образа жизни. Оседлые эвены, проживающие в национальных селах Иня и Арка, традиционно занимаются охотой и рыболовством.

В отличие от коряков и чукчей эвены выпасали небольшие стада оленей как транспортное средство для охоты на дикого оленя, лису и снежного барана. Передвигаясь на оленях верхом, эвены использовали седла. Оленей, как правило, не забивали на мясо. Были у эвенов и охотничьи собаки. Эвены не занимались рыболовством в больших объемах, так как это плохо согласовывалось с кочевым образом жизни. Исторически, хозяйство эвенов формировалось в виде комплексной экономики, сочетавшей занятия таежными промыслами, рыболовством и оленеводством. По сравнению с эвенками, оленеводство эвенов в большей степени имело продуктивную, а не транспортную направленность. Именно потребностями оленеводства определялся их образ жизни и атрибутика культуры.

У эвенов Охотского побережья фиксировались три зональные группы хозяйств: горно-таежная, с приморской территорией практически не связанная (олeneводческая), промежуточная, к которой относились около

70% эвенских хозяйств (оленоводческо-промысловая) и приморская, состоящая из эвенских хозяйств утративших оленей (промысловая). Из хозяйственных занятий, исторически не свойственных тунгусам, как следствие влияния якутов, можно отметить распространение среди эвенов, скотоводства и прежде всего коневодства в Оймяконском районе и на Охотском побережье, в районе прохождения Охотско-Камчатского тракта. Разведение преимущественно лошадей, было связано, прежде всего, с возможностью их использования в качестве транспорта в промысловом хозяйстве эвенов.

По этнографическим данным в конце XIX – начале XX вв. у эвенов наблюдались три типа населенных пунктов: стойбища оленеводов и охотников, поселки оседлых жителей и заимки.

Мясная пища занимала исключительно важное значение в питании эвенов. Некоторое разнообразие вносила рыба, добываемая в определенные сезоны года. А у оседлых эвенов побережий, главным занятием которых являлись рыболовство и морской промысел, преобладало рыбное «меню». Повседневный рацион отличался скромностью и умеренностью, всевозможные блюда готовили только во время празднеств. У эвенов издавна была разработана строгая регламентация по отношению к мясной пище. До самого последнего времени у эвенов сохранялся древний общетунгусский обычай «нимат», вытекающий из первобытного способа общего распределения продуктов.

Собирательство имело лишь подсобный характер. Эвены не стремились заготовить ягоды, орехи, съедобные корни на зиму. Все собранное употреблялось в свежем виде. С XVII – начала XX столетия почти все группы эвенов занимались доением важенок. Пили чай с оленьим молоком, получали из него керчэх, масло, кефир. В XVII – XVIII веках, благодаря русско-якутской торговле, к эвенкам проникли мука, крупы, соль, чай, сахар, табак и водка. Товары обменивали на пушнину.

Жилища коренных жителей Приамурья делились на наземные, полуподземные и свайные. Основой наземных зимних домов, определяющих его размер, у всех, кроме нивхов, служили разные виды отопительных лежанок по типу печей-канов. Дымоход от очага проходил под лежанками, сделанными из глины, на которых проходила вся деятельности семьи. При наступлении сильных холодов пользовались большими металлическими жаровнями на трёх ножках с горящими углями. Кроме того, у удэгейцев в центре располагался очаг с помостом для копчения и сушения рыбы и мяса сохатого. В углублённом жилище нивхов посреди жилого помещения горел очаг-костёр, нары размещались по стенам. В наземном доме отопление осуществлялось железной печкой. Кочевой образ жизни эвенов и эвенков обусловил распространение у них традиционных жилищ – илumu (чум) и чорама-дю (юрта).

Материнство и детство

Каждая семья стремилась иметь много детей. Отсутствие их рассматривалось как большое несчастье [6]. Очень важным событием считалось иметь именно мальчиков. Иногда, свекровь, обеспокоенная тем, что невестка оставит сына без наследника, брала высохшую пуповину у многодетной женщины, измельчала её в порошок и подсыпала его в пищу невестки. Считалось, что это поможет бездетной женщине забеременеть. У нанайцев, например, при бесплодии женщине рекомендовали принять вместе с пищей кусочек плаценты, только что взятой у другой роженицы. Считали, что после этого она сможет стать матерью (рис. 8).

Рис. 8. Молодая нанайка. Фото.

Роль мужчины в зачатии еще не осознавалась - в тело женщины должна вселиться душа *омиа*, имеющая вид небольшой птички. Нанайцы думали, что *омиа*, добровольно войдя в женщину, могла и покинуть её, чем они объясняли безрезультатную, иногда даже семимесячную беременность. Появление нового человека ставилось в зависимости от двух небесных женщин – солнца и хозяйки родовых деревьев, а также от птички - носительницы жизни. Подобные представления бытовали у удэгейцев, орочей и ульчей. По представлениям нивхов, женщина могла зачать при условии, что в чрево её вселится душа. Беременность женщины нередко связывалась со сновидениями. Так, нивхка верила, что если во сне взяла ложку, кольцо или серьги, то у нее родится девочка. Если же ей снилось, что она взяла лук, колчан для стрел или палочка для еды, то родится мальчик.

Беременность

Каждая семья заблаговременно готовилась к родам. Нужно было приготовить детское приданое: несколько рубашек из рыбьей кожи,

напоминающих халатик, одеяльце, подушку, детскую берестяную зыбку, колыбельку. Во время беременности соблюдался ряд запретов. Они должны были обеспечить благополучие роженицы и новорожденного. Во время беременности она выполняла все домашние работы, в том числе и тяжелые - колола дрова, носила воду. От работ же опасных для плода, по ее мнению, беременная воздерживалась: нельзя было шить одежду и обувь, плести сети. В это время женщина не употребляла соль, некоторые виды рыб [1]. О приобретении ребенком полезных качеств родители заботились еще в период его утробной жизни. Так, беременной давали проглотить глазные яблоки убитого ястреба. Это, думали нанайцы, приведет к тому, что ребенок будет хорошо видеть все, что делается под водой.

В нанайских общинах рождение ребенка всегда было радостным событием, к которому тщательно готовились. Существовали сложные, предусмотренные до мелочей правила поведения беременной женщины. Например, нельзя было есть сердце убитого крупного зверя, иначе при родах у роженицы сердце не выдержит. Нельзя класть в топку дрова сучками вперед, так как при родах ребенок пойдет ножками вперед. После восьми месяцев беременности не разрешали заниматься рукоделием, шить что-либо замкнутое. Перед родами нельзя было пользоваться клеем, иначе плод приклеится к детскому месту. Перед родами в доме нельзя закупоривать любые сосуды, чтобы женщина могла разродиться. Нельзя беременной рубить сучья – можно повредить плод, нельзя подглядывать одним глазом – ребенок родится косоглазым, нельзя есть глаза вареной рыбы – ребенок родится с бельмом на глазу, нельзя смотреть, как люди плавят свинец или льют его в формы – у ребенка будут косые глаза, при разделке кеты нельзя разрезать голову вдоль – у ребенка будет заячья губа [3, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Акушерство

Одним из самых удивительных достижений практического медицинского опыта аборигенов являлось народное акушерство. Они имели очень яркую этническую окраску в особенностях приема родов, гигиены женщины и т.д. Беременную женщину перед родами старались оберегать от тяжелого труда и беспокойства. В любое время года за 15 дней до родов муж делал жене специальный шалаш. В.К. Арсеньев отмечал, что «помещение для роженицы делали из нового корья, подстилка из свежей хвои, свежей травы. Все должно быть новое, не бывшее ранее в употреблении. Старые вещи брать грешно, от этого будет худо матери и ребенку». Доступ к роженице посторонним был запрещен в течении месяца. Только пожилая женщина через дверь могла подавать ей пищи и дрова. Удаление роженицы в таких условиях было естественным: удалить беременную от грязи и возможности заражения гнилостными и другими микробами [2]. Нанайцы объясняли необходимость изоляции женщины в родовой период стремлением избежать возможности соприкосновения «нечистой» женщины с орудиями промысла. Строго следили в семье за тем, чтобы во время родов в помещении не было охотничьих вещей.

У удэгейцев женщина рожала сидя, без посторонней помощи. Что бы вызвать потуги, рекомендовалось подтягиваться руками на кожаном канате, который специально висел в юрте для этой цели.

У нанайцев с первыми родовыми схватками женщина перебиралась в родильный шалаш вместе с бабкой-повитухой, пожилой и опытной женщиной, которая принимала роды. Роженица вызывала роды в полусидящем положении, упираясь руками в невысокий стульчик. При затянувшихся родах одна из женщин незаметно делала ногой движения выталкивания возле поясицы роженицы и мысленно произносила: «Как-нибудь помоги родить!». При тяжелых родах роженице давали пить слизь,

соскобленную с сома и разведенную водой. Такой раствор вызывает рвоту, считалось, что движения, вызываемые рвотой, помогают женщине родить.

У нанайцев пуповину новорожденного перевязывали конопляной ниткой или крапивным волокном – они не преют. Первая перевязка делалась у самого живота новорожденного, затем, отступив от нее на один-два пальца, пуповину перевязывали вторично, чтобы избежать из нее опасного кровотечения. Между этими двумя перевязками пуповину перерезали ножницами или чаще ножом, присыпали порошком, соскобленным с подкоркового слоя ивы козьей. Причем, если новорожденный - мальчик, то мужским ножом *геосо*, если девочка - женским ножом *геригдо*. В качестве жгута могли использовать косы. Через два-три дня пуповина отпадала, ее завертывали в тряпку и хранили обычно в женской сумке для рукоделия, рядом с местом, куда укладывали швейные иглы. Этот обряд выполняли для охраны пуповины от злых духов.

Женщина, принимавшая роды, помещала послед роженицы в берестяной короб со стружками и подвешивала его на нижнюю ветку дерева так, чтобы собака не достала и ветром не качало. Если послед погрызет собака, то женщина якобы больше не сможет забеременеть, а если ветер раскачивает ветку, то ребенок будет беспокойным. При потере пуповины ребенка считалось, что место, где находится душа новорожденного, «высвечивается» насквозь и душа ребенка видна злему духу.

В.Г. Ларкин указал, что в народной медицине орочей и удэгейцев для присыпки пуповины новорожденного применяли растертый корень подорожника.

У амурских нивхов женщина рожала стоя на коленях и опираясь локтями и предплечьями в землю. Голову она клала на предплечья, лежащие на земле. Кричать или плакать ни в коем случае не разрешалось, так как это могло привлечь к ребенку зловредных духов [3, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13].

Вскармливание

Во время беременности и кормления грудью женщины соблюдали диету. Растительная пища (желуди, отвар чаги, березовой коры) были основой питания беременных, особенно если опасались трудных родов. До родов они употребляли в пищу только рыбу или мясо кабарги. По данным А. Никифоровской, в народной медицине орочей и удэгейцев после родов женщинам рекомендовалось пить смесь мускуса самца кабарги и медвежьей желчи. Роженицы должны были усиленно питаться: ели суп с мясом дикой козы, рисовую кашу, хорошо сдобренную медвежьим жиром, все в горячем состоянии. Орочские роженицы применяли в качестве общеукрепляющего средства желчь барсука, растворенную в воде [2].

С момента рождения младенца мать-нанайка и свекровь роженицы внимательно следили за тем, чтобы она не заболела грудницей и у неё было хорошее молоко. Груды роженицы массировали, поили её теплым отваром из круп (бода). В случае полного прекращения выделения молока удэгейцы и нанайцы примешивали корень дудника даурского, что способствовало лактации.

Нанайцы считали, что холодная пища неблагоприятно отражается на молоке родильницы, которое может совершенно исчезнуть. Питалась роженица из специально отведенной для нее посуды. Женщине, у которой после родов пропадало молоко обычно давали кушанье, приготовленное из личинок короеда и мелко нарубленного мяса сохатого. Молоко могло исчезнуть и от простуды, поэтому женщине после родов запрещалось мыть руки в холодной воде и ходить босиком. Иногда же исчезновение молока приписывалось козням зловредных духов. Нанайцы при послеродовых осложнениях изготавливали фигурку лесного медведя *дуэнтэ эдэни* и оставляли её возле роженицы.

Ввиду того, что нанайцы не занимались приготовлением особой детской еды, матерям приходилось кормить своих детей грудью очень долго до 5-7 лет.

Положение матери при кормлении максимально увеличивало телесное соприкосновение матери и дитя, а первичное телесное тепло особенным образом трансформировалось в теплое душевное (рис. 9).

Рис. 9. Ороченка с двумя детьми на пороге жилища, покрытого травой.

Почтовая открытка 1930-1940-х гг.

Удэгейцы, по сообщению С.Н. Браиловского, старались вызвать, прилив молока массажем или соком известной им травы, которая растет на глинистой почве р. Кемы.

Причин высокой смертности детей ульчей и орочей было много: тяжелые условия родов, отсутствие врачебной помощи, подходящей детской пищи, антисанитария в быту. У ульчей не было молочного скота. Матери кормили детей грудью максимально долго (до трех-четырех лет) [5].

Если у матери было мало молока, ребенка уже в три-четыре месяца, начинали прикармливать жиденькой кашкой из разваренного пшена, заправленной нерпичьим или рыбьим жиром. Детям чуть постарше давали юколу, а ребенка годовалого возраста кормили всем, что ели взрослые (хотя одновременно мать продолжала кормить его грудью). Орочи начинали подкармливать младенца с полугодовалого возраста. Сначала ему давали жвачку из лосиного мяса или рыбы. Соску заменял кусочек лосиного сала, в который протыкали палочку для предохранения от заглатывания его ребенком. Из жидких блюд давали бульон из сушёной кетовой икры или из костей. Когда ребенку исполнялся год, ему начинали давать по ложке свежей крови, к восьми годам эта доза увеличивалась до стакана. Такая традиция в некоторых родах сохраняется и до настоящего времени (рис. 10).

Рис. 10. Традиционное употребление свежей крови у детей с раннего возраста. Фото 2013 г.

К пяти годам ребенок ел все, что ели взрослые. В случае смерти матери ребенка кормила грудью любая из родильниц. Если у матери было мало молока, ульчи уже в три-четыре месяца начинали прикармливать жидкой кашей из разваренного пшена, заправленной нерпичьим или рыбьим жиром. Детям чуть постарше давали юколу, а ребенка годовалого возраста кормили всем, что ели взрослые (одновременно мать продолжала кормить его грудью) (рис. 11).

Рис. 11. После года дети могли кушать все, что ели взрослые. Фото 2013 год.

У нивхов, если у матери не было молока, малыша кормила грудью другая женщина из сородичей или в тряпочку заворачивали жеваную юколу и давали сосать ребенку. Нивхские женщины кормили грудным молоком сравнительно долго, иногда до шести лет [7].

У эвенков уход за новорожденным сводился к кормлению его грудью, редкому мытью и смене трухи в ногах. Чтобы ребенок не плакал, ему в рот вкладывали кончик оленьего сырого языка, сквозь который продевалась палочка. Грудью мать кормила ребенка, когда он начинал плакать. Кормление продолжалось до 4-5 лет. Часто во время кормления к матери подходил ходячий ребенок и тянулся ко второй груди. После 6 месяцев начинали прикармливать сладким чаем с оленьим молоком. Детей после года начинали прикармливать лепешками из белой муки, сушками (во время обмена пушнины), давали кусочки вареного мяса, рыбы и поили чаем. Если отец приносил с охоты только одну птицу (рябчика, утку, тетерева), её варили специально для детей. Если оленьего молока было мало, оно шло на питание детям; его мешали с кусочками лепешек или хлеба (зимой) и с

ягодами (летом). В качестве детского питания было широко распространено кипяченое особым способом молоко: посуду с молоком ставили в кипящую воду и доводили молоко до кипения, помешивая ложкой; оно постепенно густело, превращаясь в творог. Эту массу обливали сбитым молоком. Дети с 2-3 лет ели ту же еду, что и взрослые. Лакомством для детей любого возраста был костный мозг только что убитого зверя. Из любви к детям родители всегда давали им попробовать то, что нравилось взрослым. Поэтому у многих эвенков дети начинали курить уже с 5-6 лет.

Согласно исследованию Я.С. Иващенко, на территории Приамурья среди коренных этносов (нанайцев, ульчей, нивхов) само определение «основная еда» было связано с главной промысловой рыбой – кетой, летней и осенней. Они говорили «в кету грех болеть; если хочешь жить дольше – в кетовую не болей, а то зимой или весной с голоду помрешь». Отсюда ясно, что рыба, а особенно кета, наделялась значением «пищи вообще» [3, 4, 8, 9, 10, 12, 13].

Уход

Широко практиковались приемы и методы по уходу за детьми и лечению детских болезней. Мать ежедневно мыла новорожденного в теплой воде в берестяном и деревянном корытце, протирая его после купания стружками из черемухи. Ребенка сажали в зыбку, наполненную мягкими стружками тальника, растертыми в порошок. Их часто заменяли новыми, сухими.

У нанайцев новорожденного клали на засыпанную стружками и застеленную материей крышку от берестяного короба. Затем делали из бересты легкую люльку и укладывали в неё ребенка. Колыбель для первенца заранее не готовили. На дно колыбели насыпали стружку или мелко накрошенную гнилушку тополя, регулярно меняя подстилку. Опрелости ребенка посыпали порошком, выскобленным из подкоркового слоя ивы козьей или порошкообразным веществом, оставленным короедом под корой.

При расстройстве желудка обкладывали живот и нижнюю часть тела ребенка луговой травой делдамикта и оставляли так на ночь. При шелушении кожи ребенка смазывали её рыбьим жиром, срезанным со спины сома.

Нивхи, начиная со второго дня после рождения младенца, регулярно мыли его теплой водой, настоянной на ветках багульника в качестве дезинфицирующего средства. Обычно для этой цели брали две ветки молодого багульника с цветочными почками и бросали в теплую воду. В качестве губки использовали шкуру куропатки и других птиц. А.Е. Крейнович видел, как нивхские женщины мыли новорожденного своим грудным молоком. «Одной рукой, - писал он, - сцеживала на ребенка из груди молоко, а другой кусочком белого мха осторожно протирала каждую складочку на его теле». Для детей имелось два вида колыбели: дневная и ночная (рис.12, 13).

Рис. 12. Колыбель «тяк» дневная (нивхи) (Из каталога КГБНУК "Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова" ХКМ КП 142)

Рис. 13. Колыбель «тяк» ночная (нивхи) (Из каталога КГБНУК "Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова" ХКМ КП 138)

Дневная колыбель эвенков состояла из двух лубковых половинок (рис.14), соединенных друг с другом под углом 120 градусов. Боковые стенки имели фигурные прорезы в виде уха, того что бы ребенок лучше слышал.

Рис. 14. Колыбель дневная «эмка» (эвенки) (Из каталога КГБНУК "Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова" ХКМ КП 2241)

На спинке колыбели подвешивали различные вещи из когтей хищных животных, чаще всего когти рыси, считалось, что охраняют младенца от болезней. Полезно присутствие поблизости от колыбели металлических предметов, так как их и их звуков якобы сторонятся зловредные духи и

мелкие зверьки. Ребенок пеленался и подвязывался в колыбели в согнутом положении (рис.15).

Рис. 15 Молодая нивхка с ребенком (Из каталога КГБНУК "Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова" ХКМ КП 8041/2)

Качалась колыбель на поперечном ребре. Ночная колыбель представляла собой берестяную ванночку с чуть приподнятой со спинкой. Ребенка в нее клали на спину (рис.16) [3, 4, 8, 9, 10, 12, 13].

53

Рис. 16 Негидалка с ребенком. 1896 г. Фото П.П. Шимкевича.

У отдельных кочевых народов такие элементы быта сохраняются до настоящего времени (рис.17).

Рис. 17 Коренное население Приамурья, ведущее кочевой образ жизни. Фото 2014 г.

Сложные природно-климатические условия, уязвимость традиционного образа жизни и малочисленность каждого из народов Севера обусловили

необходимость формирования особой государственной политики в отношении их устойчивого развития, предусматривающей системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов.

Список литературы:

1. *Березницкий С.В.* Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23-32.
2. *Березницкий С.В.* Семья и формы брака. История и культура орочей. Издательство «Наука», СПб. 2001. С.23-27.
3. *Василевич Г.М.* «Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.)» Издательство «Наука». Ленинград, 1963.
4. *Гаер Е.А.* «Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX - начале XX в.». Хабаровск: ООО «Платина - Хабаровск», 2012.
5. *Осипова М.В.* «Воспитание детей в традиционной айнской семье». Этнос. Образование. Личность. ETHNOS. EDUCATION. PERSONALITY. Педагогика любви и примера. III Всероссийские этнопедагогические Волковские чтения. Выпуск XV. Часть II. Якутск, 2010. С. 11-14.
6. *Осипова М.В.* «Предродовые и послеродовые обряды айнов Сахалина». Записки Гродековского музея вып.15. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. С.107-116.
7. *Осипова М.В.* «Традиционные методы воспитания как элемент семейно-бытовой обрядности айнов о. Сахалин». Актуальные проблемы современной науки. 2006. № 3 (30). С.120-122.
8. *Пилсудский Б. О.* «Роды, беременности, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о. Сахалина.» «Живая старина». СПб. 1910. № 73 -74. С. 22-48.
9. *Подмаскин В.В.* «Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина, середина XIX – XX» Владивосток 2002
10. *Смоляк А.В.* «Ульчи». Издательство «Наука». Москва, 1966.
11. *Супрун С.В.* Оценка фактического питания беременных женщин Приамурья [Текст] / С.В.Супрун, В.К.Козлов, Е.Д.Целых и др.// Питание и здоровье: материалы международного Конгресса. – М., 2013. – 96-97.
12. *Таксами Ч.М.* «Этническая культура нивхов – аборигенов тихоокеанского севера и Дальнего Востока». Новосибирск, «Наука», 2007.
13. *Шренк Л.И.* «Об инородцах Амурского края» Сочинение, 1,2 том. Издание императорской академии наук. Санктпетербург, 1899.
14. *Suprun, S.V.* Some characteristics of the nutritional status of pregnant women of rural indigenous and migrant populations Khabarovsk Krai [Text] / S.V.

Suprun, V.K.Kozlov, E.D.Celikh et all.] // Technical and natural sciences in Europe: development and adoption of innovative concepts: Monograph/ed. by S. Stark. – Stuttgart, ORT Publishing, 2014. – P/ 111-123 p.

15. Всероссийская перепись населения. Том 4. [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 01.11.2015).

References

1. Bereznitskiy S.V. Semeynaya obryadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Family ritualism of indigenous people of the lower Amur and Sakhalin]. *Rossiya i ATR*, 2000, no. 4, pp. 23-32 (in Russian).
2. Bereznitskiy S.V. Sem'ya i formy braka. Istoriya i kul'tura orochey [Family and marriage forms. History and culture of the Orochis]. St. Petersburg: Nauka, 2001. pp. 23-27. (in Russian).
3. Vasilevich G.M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [The Evenkis. Historical-ethnographic sketches (XVIII – beginning XX century)]. Leningrad: Nauka, 1963. (in Russian).
4. Gaer E.A. Traditsionnaya bytovaya obryadnost' nanaytsev v kontse XIX - nachale XX v. [Traditional household ritualism of the Nanais at the end XIX – beginning XX centuries]. Khabarovsk: Platina - Khabarovsk, 2012. (in Russian).
5. Osipova M.V. Vospitanie detey v traditsionnoy aynskoy sem'e [Brining up children in a traditional Ainu family]. *ETHNOS. EDUCATION. PERSONALITY. Pedagogics of love and example. III All-Russian ethno-pedagogical readings named after Volkov*, vol. XV, part II, Yakutsk, 2010, pp. 11-14. (in Russian).
6. Osipova M.V. Predrodovye i poslerodovye obryady aynov Sakhalina. Zapiski Grodekovskogo muzeya vyp.15 [Pre-delivery and post-delivery rituals of Sakhalin Ainu. Sketches of Grodekov museum, vol. 15]. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey im. N.I. Grodekova, 2006. pp. 107-116. (in Russian).
7. Osipova M.V. Traditsionnye metody vospitaniya kak element semeyno-bytovoy obryadnosti aynov o. Sakhalin [Traditional methods of education as an element of family-household ritualism of Sakhalin Ainu]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki*, 2006, no. 3 (30), pp. 120-122 (in Russian).
8. Pilsudskiy B. O. Rody, beremennosti, vykidyshi, bliznetsy, urody, besplodie i plodovitost' u tuzemtsev o. Sakhalina [Delivery, pregnancy, miscarriages, twins, deformed children, fertility and infertility of Sakhalin aborigines]. St. Petersburg: Zhivaya starina, 1910, no. 73 -74, pp. 22-48 (in Russian).
9. Podmaskin V.V Narodnye znaniya v traditsionnoy kul'ture tungusoman'chzhurov i nivkhov Nizhnego Amura i Sakhalina, seredina XIX – XX [Folk knowledge in traditional culture of the Tungus-Manchu and Nivkhs of the lower Amur and Sakhalin, middle XIX – XX]. Vladivostok, 2002. (in Russian).
10. Smolyak A.V. Ul'chi [The Ulchis]. Moscow: Nauka, 1966. (in Russian).

11. Suprun S.V., Kozlov V.K., Tselykh E.D. et al. Otsenka fakticheskogo pitaniya beremennykh zhenshchin Priamur'ya [Assessment of factual nutrition of pregnant women in Priamurye]. Nutrition and health: materials of the international congress. Moscow, 2013. pp. 96-97. (in Russian).
12. Taksami Ch.M. Etnicheskaya kul'tura nivkhov – aborigenov tikhookeanskogo severa i Dal'nego Vostoka [Ethnic culture of the Nivkhs – aboriginals of Pacific North and Far East]. Novosibirsk: Nauka, 2007. (in Russian).
13. Shrenk L.I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraja [About indigenous dwellers of Amur region]. St. Petersburg: Izdanie imperatorskoy akademii nauk, 1899. (in Russian).
14. Suprun S.V., Kozlov V.K., Celikh E.D. et al. Some characteristics of the nutritional status of pregnant women of rural indigenous and migrant populations Khabarovsk Krai. Technical and natural sciences in Europe: development and adoption of innovative concepts: Monograph/ed. by S. Stark. Stuttgart, ORT Publishing, 2014. pp. 111-123.
15. Vcerossijskaya perepis naseleniya. Tom 4.–
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
(in Russian).

Супрун Стефания Викторовна – д.м.н., главный научный сотрудник Хабаровского филиала ФГБНУ «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания» - НИИ охраны материнства и детства, профессор кафедры Социальной педиатрии и здорового ребенка, ГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, 680021, г. Хабаровск, ул. Воронежская, 49, корп. 1, e-mail: evg-suprun@yandex.ru

Осипова Марина Викторовна – к.и.н., главный научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И.Градекова», Россия, 680000, г. Хабаровск, ул. Шевченко, 11, e-mail: ainu07@ mail.ru

Абраева Александра Александровна – студентка 4 курса педиатрического факультета ГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, Россия, 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 35

Suprun Stefaniya Viktorovna – Doctor of Medical Science, chief researcher of the Khabarovsk Branch of the Far-East Scientific Center of Physiology and Pathology of Breath - Research Institute of Maternity and Childhood Protection, professor of the department of social pediatrics and healthy child, Far-Eastern State Medical University, address: 49, 1, Voronezhskaya str., Khabarovsk, 680021, Russia, e-mail: evg-suprun@yandex.ru

Osipova Marina Viktorovna - Candidate of Historical Science, chief researcher of the scientific-research ethnographic department, Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Gradekov, address: 11, Shevchenko str., Khabarovsk, 680000, Russia, e-mail: ainu07@ mail.ru

Abraeva Aleksandra Aleksandrovna - 4th-year student of the pediatric faculty, Far-Eastern State Medical University, 35, Muravjov-Amursky str., Khabarovsk, 680000, Russia